

KOMPARACJA SYSTEMÓW I FUNKJONOWANIA WSPÓŁCZESNYCH JĘZYKÓW SŁOWIAŃSKICH. 1. SŁOWOTWÓRSTWO / NOMINACJA. RED. INGEBORG OHNHEISER.

Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, Opole 2003, 541 с.

Коллективная монография *Словообразование / Номинация*, ряд глав которой написан и научное руководство осуществлено профессором Ингеборг Онхайзер, является первым томом инициированного проф. Ст. Гайдой международного научного проекта *Сопоставление систем и функционирования современных славянских языков*, который должен составить многотомное сопоставительное исследование всех славянских языков – труд несомненно эпохальный, представляющий собою событие века. Ему предшествовал выпуск 14 коллективных монографий, каждая из которых представила описание развития того или иного славянского языка во второй половине XX в., создав в целом серию: *Новейшая история славянских языков*.

Рецензируемый том по словообразованию и номинации опирается на эти исследования, как и, естественно, на другую имеющуюся литературу. Выбор указанной темы в качестве первого тома серии мотивирован тем, что изменения в политической, экономической, культурной жизни стран восточной и юго-восточной Европы, сказавшись на изменении языковой ситуации славянских стран, наиболее заметно представлены в расширении словарного состава за счет заимствований и явлений словообразования, которые в свою очередь связаны с семантическими преобразованиями, а также прагматическими и стилистическими изменениями узуса и норм речи.

Как пишет во ввводной части И. Онхайзер, монография задумана «не как сопоставительная грамматика в традиционном смысле, а как учитывающая именно аспекты развития с их прагматическими и социолингвистическими импликациями» (с. 17) и далее: «Мы не ставим перед собой цели повторного описания (имеются в виду тома указанной серии по истории славянских языков. – М.К.) развития словообразования всех славянских языков, а сосредоточиваемся на проявлении избранных *тенденций* развития в сопоставительном плане» (с. 19).

Сопоставление языков рассматривается не как самоцель, а как способ установления того, «как общие тенденции развития преломляются в облике национальных языков, какие вне- и внутриязыковые факторы способствуют

проявлению как общих, так и специфических черт» (с. 17). Хочется подчеркнуть в качестве особенно позитивного, на наш взгляд, аспекта то, что авторский коллектив (составляющий 18 исследователей из 8 стран) во главе с редактором одной из основных теоретических установок избрал ориентацию на функциональный (функционально-стилистический и прагматический) подход исследования проблемы, на вопросы *употребления* языка, в том числе в разных сферах общения.

Совершенно закономерно прежде всего решается вопрос, актуальный для сопоставительного исследования, о сопоставимости предмета, методологического и терминологического единства, а именно концептуально важный вопрос «выбора *tertium comparationis*, а также определения такой базы, которая позволила бы охватить именно аспекты развития» (с. 19). В качестве основы сопоставления было принято предложение Карла Гутшмидта, выступившего на Краковском съезде славистов 1998 г., использовать понятие «тенденция» как понятие синхронного подхода к языку, отражающее его динамику в определенный отрезок времени. По мнению Гутшмидта, тенденции «определяют направленность языковых процессов или изменений, протекающих в форме укрепления инноваций или устранения устаревших языковых единиц, конструкций, норм» (с. 19). Опираясь на указанное предложение, И.Онхайзер и авторский коллектив внимательно изучили и другие точки зрения (Корженского, Нешименко, Мартинцовой) с целью возможного устранения дискуссионных сторон вопроса.

Исходя из указанных установок структура монографии выразилась следующим образом. В первой – вводной – главе, кроме общетеоретических концептуальных вопросов и раздела «Из истории сопоставительного изучения инновационных процессов в славянских языках» (автор I. Ohnheiser), представлен еще один общий раздел: *Неологизмы и лексикографии*, в котором дается *Общая характеристика лексикографического подхода к неологизмам* (Olga Martincová), а также *Неологизмы в западно- и южнославянской лексикографии* (того же автора), далее следуют разделы: *Неологизмы и одноязычная лексикография (на материале русского языка)* (Renate Belentschikow) и *Двухязычная неография* (того же автора).

Каждая из последующих глав посвящена одной из рассматриваемых тенденций, представленной на анализе материала по трем группам славянских языков: восточно- западно- южнославянские: *Тенденция интернационализации* (гл. 2), *Тенденция национализации (манифестации специфических черт национальных языков в условиях тесного языкового*

контакта) (гл. 3); Прагматико-стилистические тенденции (гл. 4); *Тенденция языковой экономии, ее проявление в номинации* (гл. 5); *Системно-структурные тенденции* (гл. 6) представлены в аспекте: удельный вес частей речи; развитие способов словообразования; влияние интернационализации на сочетаемость. Далее: *Типологические тенденции* (гл. 7); *Тенденции развития языка в зеркале культуры речи* (на примере восточнославянских и западнославянских языков); заключительная глава 9 – *Развитие лексики с точки зрения когнитивной лингвистики*. Книга завершается *Заключением* редактора и двумя обширными резюме (по 30 страниц каждое) на немецком и английском языках с целью привлечь внимание неславянских коллег к исследованию, тем более, что одной из задач, реализованной в работе, явилась демонстрация того, что многие рассмотренные процессы в славянских языках имеют параллели с западноевропейскими.

Общая библиография тома занимает 36 страниц.

Беглый обзор содержания монографии (учитывая большой ее объем) не может, конечно, дать полного представления о книге; остановимся на основных ее и наиболее интересных, с нашей точки зрения, сторонах (аспектах).

В первой главе, помимо концептуально-теоретических вопросов, хорошо, хотя и достаточно лаконично, представлена история сопоставительного изучения инновационных процессов в славянских странах. Отправной точкой и самого исторического описания, и позитивных аспектов, полезных для реализации в рецензируемом труде, явилась книга *Slovanskū spisovnū jazyky v dobm puittottū* (1937) под ред. М.Вайнгарта, в которой наряду с общелингвистическими вопросами первой части, во второй представлено функционирование языковых средств в различных сферах славянских языков: публицистической и критической литературы, научной, разговорной и др. На этот, функциональный, аспект ориентируются и авторы рецензируемой монографии. Онхайзер отмечает, что критерии отправной точки сопоставления должны быть «связаны с функционированием языка в коммуникации», так как «функциональный аспект является имманентным при описании общих тенденций, которые протекают в различных коммуникативных сферах и функциональных стилях / подстилях с различной интенсивностью» (с. 23), кроме того, необходимо выявить «специфику действующих в современных языках *прагматико-стилистических* тенденций» (с. 24). Кстати, в связи с этим возникает необходимость проверить дискуссионное пока положение, выдвинутое Доршевым и Саткевич о том, что «ввиду возрастающей роли интернационализации происходит ослабление деривационных процессов в номинации

литературного языка при сохранении активности деривации в экспрессивном и окказиональном словообразовании» (с. 23).

Помимо функционального подхода, ярко представленного в книге М.Вайнгарта, И.Онхайзер отмечает еще ряд аспектов, навеянных чтением этой книги и важных для рецензируемого издания. Это – принцип избирательности, а именно «сосредоточение на новых продуктивных явлениях», общности определенных процессов, происходящих в славянских странах с аналогичными процессами остальных европейских языков в связи с общностью исторических явлений (война, развитие технической цивилизации и др.). Характерно, что время после первой мировой войны отличается процессами и явлениями, сходными с современными. Например: терминологизация лексики, при этом возрастающее влияние англо-американских языков, рост интернациональной лексики, изменение синтаксиса и функциональных стилей, усиление влияния газетно-публицистического стиля, в том числе бульварной прессы, изменение манеры выражения (с. 24). Однако при сходстве общих черт развития европейских языков интенсивность изменений в славянских языках отличается спецификой в связи с более радикальными переменами в общественной жизни. По Вайнгарту, «переломные времена повышают роль культуры речи» (с. 29), актуализируются проблемы традиций и новаторства, а в лингвистике, по мнению Р.Якобсона, изменяется иерархия и престижность тех или иных тем. По наблюдениям Онхайзер, исследовавшей влияние внеязыковых и внутриязыковых факторов на «интерес к словообразованию вообще и к сопоставительному его изучению», «доминирующие направления в лингвистике 70-х /80-х гг. XX века отошли» от этих тем, а к концу 80-х гг. «как бы заново изменился “престиж” (сопоставительного) словообразования» (с. 33).

Во вводной же части монографии представлена глава по неографии (1.3), поскольку словари неологизмов дают богатый материал для раскрытия темы, обладая, в частности, прогностической функцией в случаях указания продуктивных аффиксов и компонентов сложных слов.

В главе 2, посвященной *тенденции интернационализации*, которая усилилась с конца XX в., отмечается, что эта тенденция проявляется в следующих основных явлениях, описанных в книге: включение интернационализмов в основной словарный фонд и их использование в качестве новых производных, образующих целые словообразовательные гнезда; активизация интернациональных аффиксов при образовании производных не только с заимствованными, но и исконными основами; приобретение

заимствованными элементами статуса префиксов или суффиксов; усиление роли сложения и возникновение новых словообразовательных образцов.

При определении эквивалентности интернационализмов авторы исходят из учета не только семантики, но и стилистической и функциональной характеристик.

Тенденция интернационализации охватывает лексику и словообразовательные процессы преимущественно в тематических областях рыночной экономики, политики, техники, некоторых социальных явлений (преступности, секса), музыки, моды и нек. др. и проявляется наиболее интенсивно в средствах массовой информации, особенно электронных СМИ.

Поскольку интернационализация, как показывает материал исследования, сопровождается разными приемами графической интеграции или неинтеграции, этому вопросу посвящен отдельный раздел (2.3), в котором учитывается и диахронный аспект, и синхронная дифференциация с учетом разновидностей речи. При общей диахронической тенденции от трансплантации к транскрипции в настоящее время нередки случаи возрождения «приема» трансплантации иноязычных слов (с. 128-129). При этом оказывает действие и экстралингвистический фактор: уровень образования читателя. В общем сходные, хотя и не стопроцентно одинаковые, процессы в отношении графического оформления заимствований, наблюдаются в русском, украинском, польском и чешском языках. Отмечается также интересный факт «растущего числа случаев отказа от образования морфологических форм, а вместе с тем и дериватов» (с. 133).

Наряду с тенденцией интернационализации наблюдается и *тенденция национализации* (глава 3), понимаемая авторами как манифестация специфических черт национальных языков в условиях тесного языкового контакта. При этом рассматриваются такие вопросы, как роль и оценка контактных вариантов, устранение структурно-системной словообразовательной синонимии и усиление национального варианта. Исследование осуществлено на материале русского, белорусского, украинского, словацкого и чешского, хорватского и сербского, македонского и болгарского языков. Особое место занимает эта проблематика в отношении лужицкого языка, испытывающего влияние немецкого языка.

Тенденция национализации наблюдается, как отмечают авторы, прежде всего в тех славянских языках, которые были представлены на территории федеративных государств и в недавнем прошлом испытывали влияние

одного, доминирующего языка, что было связано с языковой политикой государств. В словообразовании это выражалось в укреплении общих черт близкородственных языков. Национализация сказывается в укреплении «национального варианта» посредством использования возможностей языка более раннего периода или диалектных словообразовательных средств, способов, моделей.

Детально анализируется динамика средств и способов словообразования в белорусском и украинском языках в сопоставлении с русским; отмечаются факты «давления» русского языка на национальные особенности указанных языков, воспринимаемого как угроза национальной специфике языка. Таким образом, в связи с восточнославянскими языками понятие *национализации* приобретает и особое толкование: «возвращение в активный словарный запас определенных слоев лексики, связанных с традициями национальной самобытности, духовной жизни и т.п.» (с. 135). Однако если для русского языка национализация исчерпывается таким пониманием, то «для белорусского и украинского более существенным является другой аспект национализации, которая в данном случае заключается в дерусификации» (там же).

В монографии национализация не противопоставляется интернационализации и не связана с пуристическими взглядами по отношению к интернационализмам. Пуризм проявляется в некоторой степени лишь тогда, «когда интернационализмы вошли в отдельные языки посредством доминирующего языка (ср. роль русского как посредника для других восточнославянских языков; поэтому многие интернационализмы воспринимаются как русизмы)» (с. 135). Все общие положения подтверждены детальным анализом обширного фактического материала названных славянских языков.

Указанные тенденции взаимодействуют друг с другом. Пожалуй, особенно заметна их связь с *прагматико-стилистическими тенденциями* (гл. 4). При этом, если ранее можно было говорить о большей или меньшей употребительности тех или иных словообразовательных средств в определенных функциональных стилях, то в настоящее время, как свидетельствуют авторы монографии, происходит изменение коммуникативных норм и возрастающая роль устности, что сказывается на сдвигах традиционных стилиевых границ, отражая прагматико-стилистические тенденции (с. 187). В целом прагматико-стилистические тенденции в книге рассматриваются двусторонне: отмечаются, с одной стороны, явления прагматико-стилистической

дифференциации словообразовательных способов и средств, с другой – тенденция к стиранию подобной дифференциации. Многие феномены, которые ранее описывались как проявление «демократизации языка» (по новой терминологии – «коллоквиализации»), имеют ярко выраженную прагматическую функцию.

В разделе 4.2 (4.2.1) И.Онхайзер дает подробный и глубокий критический анализ литературы в аспекте: «Прагматико-стилистическая дифференциация словообразовательных средств и тенденция ее стирания». Высказываются интересные соображения относительно соотношения понятий *стилистика* и *прагматика* и далее квалификация словообразовательных явлений идет в ряде случаев с авторских позиций. Высказывается соображение и о том, что «ввиду возрастающей роли устности и изменений в устной публичной речи со времн перестройки, а также ввиду возникновения таких новых видов общения, как электронная почта», прагматико-стилистическая дифференциация, отграничивающая разговорную речь от разговорного стиля и от устной публичной речи «лишается обоснованности для описания характеристик современной устной коммуникации» (с. 205). Отмечается также, что при рассмотрении тенденций развития (например, демократизации) «нередко трудно разграничить словообразование, т.е. применение *модели*, и словоупотребление», в том числе использование слов, образованных от изначально разговорных, а теперь употребляемых более широко (с. 209). Позитивно оценивая высказывание Шанка (1984) о значимости для изучения «языковых смен» экстралингвистических факторов, вплоть до учета не только социальной ситуации, но и интенций партнеров по коммуникации, анализа не только продуцента, но и реципиента, Онхайзер говорит, что по ее наблюдениям формы языковой игры в разных типах газет и журналов различаются, так «игра с языком менее характерна для бульварной прессы», поэтому «необходимо более четко учитывать как авторов, так и адресатов определенных новшеств» (с. 211-212).

При сходном в общем протекании указанных тенденций в белорусском и украинском языках (изменения касающиеся прежде всего публицистики, повышенной в ней оценочности и диалогичности, кроме того, – деловой речи) создается, однако, по мнению автора главы, впечатление, что вопросы современной демократизации «играют в *языкознании* (а не в самих языках) Белоруссии и Украины меньшую роль по сравнению с доминирующим вопросом сохранения и /или обновления норм литературного языка, включая его устные разновидности в условиях: а) все еще доминирующей роли

русского языка и б) преодоления «трясянки» и «суржика», характерных именно для устной речи» (с. 207).

Отдельный раздел (4.3) посвящен неузואльному словообразованию, поскольку окказионализмы обладают ярко выраженной прагматической функцией; анализируется их образование и функции в СМИ. При этом они отличаются полемичностью и оценочностью, являются средством иронии и языковой игры. В них могут быть установлены, судя по материалу, нередко межъязыковые параллели.

Специальная глава (5) посвящена вопросу действия *тенденции языковой экономии* среди новообразований, который связан как с прагматическими тенденциями, так и с последствиями для системы номинации отдельных языков. По словам редактора тома, авторы этой главы «не ограничиваются традиционными взглядами, в центре которых находятся универбация и разные способы сокращений, но рассматривают также отдельные словообразовательные типы как проявление тенденции языковой экономии» (с. 24).

Во вводной части главы Г.Нещименко отмечается сложность проблемы и наличие разночтений в литературе вопроса. Определяется это тем, что проблема языковой экономии находится на стыке дисциплин – собственно лингвистики, социолингвистики, психолингвистики, т.е. требует междисциплинарного рассмотрения. Возрастание же интереса к проблеме вызвано как лингвистическим, так и экстралингвистическим факторами, в частности распространением новых жанров электронных СМИ, усилением влияния на литературный язык устно-разговорной речи.

Существенно, что языковая экономия рассматривается автором «как импульс динамики номинационной системы» (с. 288) – тезис, который реализуется на анализе восточно- и западнославянских языков. Раздел проявления языковой экономии в южнославянских языках написан И. Ликомановой. Авторы главы в конечном счете понимают под языковой экономией причину или повод достижения посредством минимального усилия достичь максимальной языковой эффективности (аббревиатуры, со-ращения), но при этом ограничивается спектр словообразовательных явлений (ср. суффиксальную универбацию, обычно представляемую в традиционном славянском словообразовании). В последнее время в славянских языках наблюдается активизация усечения основ и другие явления под воздействием интернационализации лексики.

По мнению авторов главы, следует учитывать и другое понимание языковой экономии применительно к словообразованию, а именно, что «словообразование в целом является выражением языковой экономии, так как оно – благодаря специфическим способам номинации в форме одного слова – всегда приводит к сокращению на синтагматическом уровне» (с. 283).

Поскольку действие языковой экономии в словообразовании ведет, как сказано, к сокращению на синтагматическом уровне, то на парадигматическом это выражается в возникновении вариантов. Вариативность обычно сопровождается стилистико-прагматической, социальной и функциональной дифференциацией. Наряду с этим рассматриваются и случаи нивелирования стилистической дифференциации и их причины.

Анализ *системно-структурных тенденций* (гл. 6) в монографии сосредоточен на удельном весе частей речи среди мотивированных и мотивирующих слов. Различная представленность определенных словообразовательных категорий среди отдельных частей речи и среди категорий транспозиции, мутации и модификации объясняется номинативными и стилистическими факторами. Автором главы – И.Онхайзер – отмечается интересный факт: производство слов от заимствований отличается предсказуемостью и регулярностью. Анализ мотивационных отношений неологизмов показывает деривационную активность новообразований.

В связи с удельным весом в составе мотивированных слов различных частей речи учитывается активизация префиксации заимствованных глаголов (на материале русского языка), относительно же удельного веса мотивирующих слов в качестве специальной проблемы рассматривается опосредствованная мотивация. При анализе мотивирующих слов учитывается не только аспект производства новообразований, восходящих к внутрикатегориальным процессам, но и «возможное предпочтение определенных мотивационных отношений, которое может зависеть и от сфер номинации», например в русском языке. «За последние десятилетия при образовании отсубстантивных глаголов только четыре из 11-ти словообразовательных категорий оказались активными» (с. 323). Отмечается нереализованность мотивирующих глаголов (и активизация существительных) в связи не столько со словообразовательными ограничениями, сколько с номинативными и стилистическими факторами (с. 325). Последним обусловлена нереализованность мотивирующих глаголов, а также продуктивность отвлеченных существительных в научных текстах,

связанная с тенденцией здесь к обобщению. По мнению автора, активность образования отвлеченных существительных и наречий стимулируется стилистическими факторами и стремлением к языковой экономии.

Отмечается, что сложные слова в некоторых славянских языках (русском, белорусском, хорватском и др.) обогащаются не столько новыми способами сложения, сколько активным пополнением уже существующих способов, которые лучше других соответствуют интеграции заимствований. Автор замечает также, что при рассмотрении многих новых примеров, отражающих сдвиги в использовании отдельных способов образования и оцениваемых «как проявление типологически изолирующих черт или же тенденции к аналитизму» (см. гл. 7), следует, однако, «иметь в виду, что они нередко отличаются еще заметной вариантностью» (с. 334).

Показываются также явления сочетаемости морфем в области именной префиксации. В частности то, что развитие префиксальной именной деривации, а также новых типов сложения, тесно связано с заимствованиями. «Именно в области префиксации на базе заимствований усилилось преодоление границ частей речи» (с. 335-336). Так, в современных языках встречаются одни и те же префиксы у существительных и у прилагательных, у существительных и глаголов, ср., например, в польском: *ekstraklasa* и *ekstranowoczesny*; *reǰdycja* и *reedukować*.

Рассматривается и вопрос влияния интернационализации на сочетаемость компонентов словообразования. При этом указывается, что «последствия языковых контактов видны как в самой системе словообразования, так и в парадигматических, синтагматических и эпидигматических связях производных и сложных слов, а также в функционировании интернациональной лексики (и ее производных) в текстах» (с. 336).

Представленные в этой главе вопросы органически связаны с проблематикой и содержанием следующей главы.

В главе 7 – *Типологические тенденции* (автор – Karl Gutschmidt) – после обсуждения теоретических и методических вопросов, связанных с определением понятия аналитизма, прослеживаются активные процессы в словообразовании. В качестве основы описания избирается концепция В.Скалички.

Как отмечает автор, «во всех славянских языках по-прежнему преобладает аффиксальное словопроизводство в рамках флективного типа. Но наряду с этим наблюдается и тенденция к агглютинативности», ярче всего отражающаяся в именной префиксации (с. 339). Рассматривается и образо-

вание составных (многословных) наименований – как проявление изолирующего (аналитического) типа. Полисинтетические черты представлены в активном сложении слов.

Обращается внимание на то, что «различия между отдельными славянскими языками могут касаться или самой тенденции или же... наличия и использования определенных формантов, например, именных префиксов» (там же).

Автор приходит к выводу, что на данном этапе исследования трудно точно определить «силу названных типологических тенденций и их иерархию в отдельных славянских языках», а отсюда и «типологический характер словообразования» (с. 339). При изучении этого вопроса следует учесть и системно-структурный статус (не всегда ясный) ряда продуктивных словообразовательных образцов и возможную разницу между встречаемостью слов определенных типов в словарях и в тексте, т.е. в аспекте строя языка и его употребления в речи. Например, в определенных типах текста сложные слова встречаются реже, чем аффиксальные образования (при учете того, что в словаре усложных слов – ведущая позиция). Для решения этих вопросов требуется анализ более обширного корпуса текстов.

Глава 8 – *Тенденции развития языка в зеркале культуры речи* – отличается, пожалуй, наибольшей актуальностью в наше время, поскольку в периоды социальных преобразований остро встают вопросы нормы литературных языков, путей их развития в связи с ускорением языковых изменений. Как пишет один из авторов главы – Hermann Bieder, «в такие переломные периоды наблюдается напряженное отношение между традиционной языковой нормой и быстро изменяющимся языковым поведением, языковым узусом» (с. 359). В политически нестабильные периоды культуры язык сталкивается с такими проблемами, как соотношение литературного языка и других ответвлений языка, отношение к иноязычным заимствованиям, повышенная вариативность норм (особенно в лексике и словообразовании), стирание границ функциональных стилей и другими процессами. Знаменательно, что автором подчеркивается различие в области языковой культуры «нормативного аспекта языковой культивации (состояние развития языковой системы) и коммуникативного аспекта уровня культуры речи общества» (с. 359). Однако на этом фоне, как нам представляется, замечание о стирании границ функциональных стилей требовало бы более глубокого и дифференцированного подхода. А именно, если и можно говорить о подобном стирании границ относительно использования отдельных

языковых элементов – и то не всех стилей (ср., например, научный), то вряд ли (во всяком случае значительно в меньшей мере) это касается стилевых черт функциональных стилей и их стилистико-речевой (текстовой) системности.

В восточнославянских литературных языках за последние десятилетия своего рода «злободневность» проблем нормы явилась «наследием языковой политики советского периода, с другой стороны – последствиями демократизации» (с. 357). Художественная литература, язык газет, деловой язык перестают выполнять нормообразующую функцию. В этой функции все более выступает устная речь СМИ. В России изменения отражаются преимущественно в активизации тенденции коллоквиализации, а в Белоруссии и на Украине – в укреплении территориальных вариантов, кроме того, тенденции дерусификации литературной нормы, что обнаруживается и в области словообразования.

При рассмотрении культурноречевых нормотворческих проблем сталкиваются две противоположных точки зрения – более традиционная, ратующая за сохранение сложившихся норм литературного языка и более либеральная, выступающая «против монотонности и строгой стандартизации» литературного языка советского периода. В аспекте этой дилеммы рассматривается современное состояние культуры речи восточнославянских языков и дается анализ фактического материала.

Демонстрируются на конкретных примерах факты активизации нелитературных способов словообразования и словообразовательных типов и их передвижения с периферии в центр литературного языка, оттеснение традиционной аффиксации в пользу словосложения и аббревиации, увеличение количества вариативных средств выражения (словообразовательной синонимии). В сфере словосложения – заимствование моделей из западноевропейских языков и т.д. (с. 362-365). В этих случаях налицо перекличка с действием других тенденций, описанных в предшествующих главах.

Украинский язык в 90-х гг. XX в. испытывает серьезный кризис норм, особенно в СМИ и художественной литературе, что вызывает многочисленные общественные языковедческие дискуссии. Реформаторы выступают за дерусификацию и украинизацию в области словообразования (а также в известной степени интернационализацию). Однако, при этом следует учесть, что «с точки зрения сравнительной славянской словообразовательной типологии, возможности отграничения украинского

словообразования от русского довольно ограничены», поскольку, например, «в словообразовании существительных украинский и русский языки обладают не менее 47 общими словообразовательными типами» (с. 367).

Аналогичная ситуация в отношении культуры языка, современных процессов словообразования и отношения к ним со стороны общественности наблюдается и в Белоруссии.

В западнославянских языках ситуация несколько иная, хотя в ряде аспектов и близкая. Так, в Польше в центре внимания ученых и общественности «находятся этические вопросы изменения стилевых границ и нарушения бывших языковых табу», в центре же «внимания актуальной чешской языковой дискуссии находится изменяющееся соотношение письменной / литературной нормы и устных разновидностей» (с. 357). По сравнению с этой проблемой вопрос интернационализации лексики стоит не столь остро. В Словакии на первый план выступает проблема оценки последствий многолетнего влияния чешского языка на словацкий и преодоление этого.

Разделу по западноевропейским языкам – анализу современной языковой ситуации и фактического материала предпослана теоретическая часть с обзором исторического развития теории литературного языка и культуры речи на протяжении XX века.

Заключительная 9 глава, как указывалось, посвящена проблеме *развития лексики с точки зрения когнитивной лингвистики*, включающая два раздела: *Словообразование и лексические концепты* – 9.1 (Volkmar Lehmann) и *Когнитивные аспекты образования неологизмов (на примере польского языка)* – 9.2 (Krystyna Waszakowa). По замыслу редактора и авторского коллектива включение этих глав в монографию мотивировано стремлением отразить в книге актуальные вопросы современной лингвистической теории применительно к словообразованию. И действительно, это украшает работу, углубляет ее теоретическую сторону.

В разделе 9.1 показываются разные когнитивно-функциональные операции в русском словообразовании в связи с многозначностью и отмечается изменчивость удельного веса этих операций на протяжении нескольких веков. В разделе 9.2 представлены положения когнитивной грамматики Р.Лангакера применительно к польским новообразованиям. Ценно, что в обеих главах высказываются положения о перспективах дальнейших сопоставительных исследований. Таким образом, данная глава посвящена не отдельным тенденциям развития, а *методам исследования* и описания явлений словообразования под когнитивным углом зрения.

Авторы обоих разделов главы исходят из того, что «концептуальное сознание языкового общества отражается в системе производных слов и ее развертывании. Само концептуальное развитие проявляется различными способами: в замене одних лексических концептов другими, в расширении лексических концептов, в создании новых и исчезновении старых» (с. 389). В.Леманн определяет лексический концепт как «совокупность лексических значений, между которыми существуют определенные мотивационные связи» (там же). Исходя из основного значения восстанавливаются связи между лексическими значениями концепта на основе полисемии и словообразования. Таким образом, лексикологическим соответствием концепту является лексическое гнездо. Особое внимание уделяется тому, что мотивационные отношения базируются на лексико-семантических вариантах слов. Тем самым полисемия включается в словообразование. Отмечается также, что функциональные операции и для словообразования, и для полисемизации – одни и те же. Кроме того указывается, что можно синхронно реконструировать лексический концепт и таким образом отразить его историческое становление. Очень интересен в этом отношении подраздел *Словообразование и развитие лексических концептов* (с. 406-410).

Вашаковой при описании когнитивных структур, лежащих в основе новых производных слов (9.2) показывается роль сравнения и образности; в частности, на примере польских неологизмов рассматриваются аспекты: развитие схем, способность познания когнитивно значимой информации, метафоризация и другие.

Таким образом, в этой главе показана связь словообразования и культуры, а именно то, что «концептуальное сознание общества отражается в системе производных слов и его развертывании» (с. 391). Авторами показывается механизм этих процессов и методы его изучения и описания.

В целом рецензированная монография несомненно привлечет внимание специалистов, хотя в ней можно отметить некоторую неполноту освещения рассматриваемых проблем, например, в плане того, что не по всем вопросам представлен материал *всех* славянских языков, а также – порой отсутствие единства в описании одних и тех же тем. Однако последнее даже неплохо в смысле взаимодополнительности обсуждаемых проблем, первое же объясняется сложностью и неисследованностью еще в славистике именно вопросов развития словообразования и, таким образом, недостатком фактического материала. Кроме того, напомним, что в задачи авторского

коллектива и не входило сопоставительное изучение всех славянских словообразовательных систем *в целом*.

Созданный авторским коллективом под руководством И.Онхайзер труд представляет собой беспрецедентное явление современной славистической науки и можно только пожелать инициатору серии сопоставительных исследований систем и функционирования славянских языков проф. Ст. Гайде дальнейших успехов в осуществлении выпуска последующих томов издания.

МАРГАРИТА КОЖИНА

NAJNOWSZE DZIEJE JĘZYKÓW SŁOWIAŃSKICH. JĘZYK POLSKI, RED. NAUKOWY S. GAJDA
Uniwersytet Opolski. Instytut Filologii Polskiej, Opole, 2001, 540 ss.

В 2001 году в издательстве Опольского университета вышел из печати очередной том серии публикаций под общим названием «Новейшая история славянских языков». Этим изданием, посвященным польскому языку, практически завершается уникальное, без преувеличения, научно-исследовательское предприятие, ставшее, на наш взгляд, в ряд выдающихся достижений современной славистики.

Серия была задумана, вероятно, как приуроченное к «рубежу веков» обобщение наблюдений над языковыми процессами в славянском мире. При всей условности так называемых круглых дат, нельзя не согласиться, что 20 век, а в особенности его вторая половина, были временем настолько динамичным, настолько насыщенным событиями мирового значения, что многие народы – их материальная и духовная культура, их образ мыслей, а стало быть, и их языки – за это относительно короткое время претерпели изменения, для которых в прошлые эпохи потребовалось бы не одно столетие.

Мировые войны, социальные потрясения и научно-технические революции 20 века вызвали весьма активные процессы в интеллектуально-духовной деятельности и обусловили динамичные изменения в языках мира. Сказанное более всего, вероятно, справедливо применительно к славянскому